

– М., 1982. – 64 с. **18.** *Рарог А.И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 304 с. **19.** *Хавронюк М.І.* Довідник з Особливої частини Кримінального кодексу України. – К.: Істина, 2004. – 504 с. **20.** *Чеботарьова Г.В.* Кримінально-правові проблеми трансплантації органів або тканин людини та донорства крові: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / ІДП НАН України. – К., 2003. – 219 с.

Надійшла до редакції 20.10.2009 р.

УДК 343.3/7

И.В. Самощенко, канд. юрид. наук, доцент
Национальная юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков

ОСОБЕННОСТИ УГРОЗ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УК УКРАИНЫ В КАЧЕСТВЕ ОТДЕЛЬНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Начиная от памятников права так называемых варварских времен, угрозы относятся к числу распространенных преступлений. Будучи уголовно-наказуемыми в средние века, они нашли свое законодательное закрепление в XIX в. и с тех пор в подавляющем большинстве кодексов включаются в качестве отдельного преступления.

УК УССР 1922 г. ответственность за угрозу как самостоятельное преступление не устанавливал по тем мотивам, что признание её наказуемой повлечет возбуждение множества необоснованных дел. Аналогичным образом был разрешен вопрос об угрозе и в УК УССР 1927 г. Однако часто встречаемые в

практике случаи угроз, содержащие повышенную общественную опасность, все с большей остротой ставили вопрос о необходимости введения уголовной ответственности за подобные действия. Идея их криминализации неоднократно выдвигалась многими криминалистами [См.: 2, с. 465; 4, с. 559].

Эти и иные основания побуждали законодателя в 1929 г. внести дополнение в УК УССР (ст.69¹), предусматривающее ответственность за угрозу убийством, истреблением имущества или совершением насилия по отношению к должностным лицам или общественным работникам с целью прекращения их служебной или общественной деятель-

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

ности. Несколько позднее, в ч. 3 постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» в качестве отдельно взятого преступления были признаны угрозы колхозникам с целью заставить их выйти из колхоза [9, с. 335-336].

С изданием 15 февраля 1957 г. указа Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в Положение о воинских преступлениях» (ст.3¹) [10, с. 31-34], подлежали наказанию угрозы убийством, причинением телесных повреждений или нанесением побоев начальнику в связи с его служебной деятельностью. Такое решение закреплялось и в ст. 5 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления, принятого 25 февраля 1958 г. [10, с. 58-67].

В УК Украины 1960 г. кроме угрозы начальнику (ст.235) предусматривалась также ответственность за угрозу убийством (ст. 100), судье (ст. 176²), работнику правоохранительного органа (ст. 189²), в отношении должностного лица, общественного работника или гражданина, исполняющего общественный долг (ч.1 ст. 190), совершения хищения радиоактивных материалов

или их использования (ст.228⁴). Таким образом, по этому УК подлежали наказанию в виде отдельных преступлений 6 разновидностей самостоятельных угроз.

Действующий УК Украины (2001 г.) предусматривает ответственность за 11 разновидностей самостоятельных угроз (статьи 129, 195, 258 ч.1, 266, 345 части 1 и 4, 346 ч.1, 350 ч.1, 377 ч.1, 398 ч.1, 405 ч.1 и 3, 444 ч.2), размещение которых в Кодексе обусловлено в первую очередь особенностями их родовых объектов.

Посягательство на тот или иной объект, поставленный под защиту закона, возможно не любым деянием, а строго определенным. «Вред, ущерб охраняемому уголовным законом объекту, – пишет Б.С. Никифоров, – может быть причинен не любыми, а только определенными действиями, характер которых определяется свойствами самого объекта» [8, с. 137]. Значит, по особенностям объекта посягательства можно судить о специфике последнего и, наоборот, правильное установление общественно опасного деяния поможет сделать вывод об объекте посягательства. Потому между деянием и объектом преступления существует взаимосвязь. Это обстоятельство определяет необходимость рассмотрения таких объективных при-

знаков угрозы, как содержание и форма, направленность на определенного потерпевшего, момент окончания и др. уже, свидетельствующие о том, что данное преступление является посягательством на личную безопасность.

С объективной стороны содержание угрозы (то, чем грозят) – это запугивание причинить противоправное зло, выражающееся в обещании: (а) лишить жизни человека (статьи 129, 345 ч.1, 346 ч.1, 350 ч.1, 377 ч.1, 398 ч.1, 405 ч.1 и 3); (б) нанести вред его здоровью или телесной неприкосновенности (статьи 345 ч.1 и 4, 346 ч.1, 350 ч.1, 377 ч.1, 398 ч.1, 405 ч.1 и 3); (в) лишить его свободы (статьи 346 ч.1, 444 ч.2); (г) уничтожить или повредить имущество (статьи 195, 345 ч.1 и 4, 346 ч.1, 350 ч.1, 377 ч.1, 398 ч.1, 405 ч.1 и 3); (д) совершить похищение (статьи 266 ч.1, 346 ч.1, 444 ч.2); (е) использовать радиоактивные материалы (ст.266 ч.2); (ж) совершить террористический акт либо нападение (статьи 258 ч.1, 444 ч.2).

Отсюда становится очевидным, что содержание угроз составляют лишь противоправные действия. Вот почему выраженное вонне намерение совершить действия правомерные, не являющиеся взяты сами по себе преступными (например, угроза совершить самоубийство), не по-

рождает уголовной ответственности. Л.С. Белогриц-Котляревский справедливо заметил, что «такая угроза не преступна, ибо если не преступно действие, которым угрожают, то тем более не преступна сама угроза последним» [1, с. 369].

По действующему УК составом преступления, предусмотренного ст.129, охватывается лишь одна разновидность угроз частному лицу – угроза убийством. Угрозы причинением иного, менее тяжкого вреда, чем лишение жизни (к примеру, нанесением телесных повреждений различной тяжести, побоями и др.) не криминализованы.

Говоря о критериях криминализации рассматриваемого деяния в уголовном законодательстве Украины, следует отметить, что в качестве такового выступает степень общественной опасности самой угрозы. Она показывает, что такого рода деяние способно вызвать серьезные и обоснованные опасения у потерпевшего. Поэтому исходя из принципа экономии уголовной репрессии угрозы, ничтожные по своей общественной опасности, не признаются противоправными и уголовнонаказуемыми.

Однако не все виды угроз, обладающие повышенной степенью общественной опасности, охватываются нынешним УК Украины. Признавая правильной

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

идею расширения пределов уголовно-правовой охраны личности от различного рода общественно опасных посягательств, предлагаем ст.129 УК, назвать «Угроза совершения особо тяжкого преступления против человека.» Такой более абстрактной, а не казуистичной (как сейчас) формой обрисовки состава угрозы смогут охватываться как случаи применения угрозы убийством, так и другие ее виды сравнительно одинаковой степенью общественной опасности. Речь идет, например, об угрозе захвата заложников (ч.2 ст.147 УК), торговли людьми (ч.2 и 3 ст.149 УК), изнасилования (ч.2 и 3 ст.152) и др. Это позволит в равной мере охранять интересы личности от посягательств повышенной общественной опасности.

Вряд ли можно считать удачным законодательное закрепление угрозы террористического акта в ст.258 УК, где наказуемость по ч.1 установлена как для тяжкого преступления – от пяти до десяти лет лишения свободы. Руководствуясь правилом пропорционального соотношения тяжести наказания тяжести преступления, следует выделить угрозу террористическим актом в отдельную часть ст.258 УК или вообще в специальную статью УК (например, ст.258¹ УК), определив наказуемость за та-

кое деяние не строже как за преступление средней тяжести. Именно такая наказуемость предусмотрена за смежные с этой угрозой деяния, указанные, например, в ст. 266 УК.

Кроме того, угроза нередко сопряжена с требованием выполнить какое-либо действие (бездействие) неимущественного характера. Примером тому могут служить угрозы с предъявлением требования вступить в брак или, напротив, с запретом на его расторжение и со связанными с этим последствиями (решение дальнейшей судьбы детей и пр.). Подобного рода случаи квалифицируются по ст.129 УК. Однако такое положение нам представляется неудачным. Присоединение к выраженной вовне угрозе убийством каких-либо неимущественных требований, можно сказать, значительно усложняет объективную сторону содеянного, а с ней и предreshает вопрос об увеличении его общественной опасности. Угроза здесь, как бы трансформируется из самостоятельного деликта в средство к удовлетворению предъявленных требований, становится принуждением. По заключению Г.К. Кострова, «принуждение представляет большую общественную опасность, чем то средство, которое применяет принуждающий, поскольку со-

здається додаткова небезпека порушення тих правохоронюваних інтересів громадянина, на які винуватий в остаточному рахунок і присягає» [3, с. 23]. Сказане змушує задуматися про цілесобразність законодавчої диференціації кримінальної відповідальності за загрозу і примус (примус) і поміщення загального складу примусу (примусу) в розділ злочинів проти свободи людини. Введення в УК загального складу примусу (примусу) взагалі не виключає наявності спеціальних його видів: примус жінки до вступу в статеві стосунки (ст. 154); примус до участі в забастовці або перешкоди участі в ній (ст. 174); примус працівника транспорту до невиконання своїх службових обов'язків (ст. 280); примус до виконання або невиконання громадянсько-правових обов'язків (ст. 355); примус до дачі показань (ст. 373) і др. Їх існування може бути побудовано за правилом співвідношення загальної і спеціальної норми в кримінальному праві.

Зупинившись на способі зовнішнього прояву загрози, відзначимо, що їй притаманні різні форми, які, як правило, не мають впливу на кваліфікацію злочину. Уг-

роза може бути виражена словесно (устно або письмово), шляхом міміки, жестів, конклюдентних дій, демонстрації зброї або предметів, використовуваних в якості, з використанням або без використання технічних засобів передачі інформації (телефона, телеграфа, факса і пр.). Якісні властивості названих форм загрози, а також їх кількість (одна або більше) підлягають врахуванню лише при визначенні покарання. Особливого значення приділявся тут Н.А. Неклюдов, який вважав, що загроза повинна обов'язково здійснюватися в словах, тому що без слів вона бессмысленна. «Потому, ежели бы кто-либо погрозил другому кулаком или палкою, или даже оружием, то подобное действие могло бы быть наказуемо только как личная обида, а не как угроза» [7, с. 390]. Така позиція пояснюється особливим ставленням ученого до об'єкта посягательства при загрози, згідно з якою вона представляє собою злочин проти честі окремого громадянина. Будь-яка ж символічна загроза входить в поняття символічної обиди, так як ні законодавство, ні наука не знають подібних загроз. Однак зараз така точка зору, безсумнівно, застаріла і не відповідає реальності сучасного життя.

Касаясь письмових загроз,

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

следует сказать, что некоторыми они почитались более тяжкими, нежели угрозы устные. Так, Устав о Наказаниях 1885 г. (ст. 141), Уголовное Уложение 1903 г. (ч. 2 ст. 510), а из действующих сейчас зарубежных кодексов – УК Нидерландов 1881 г. (ч. 2 ст. 285), УК Италии 1930 г. (ч. 2 ст. 612) за письменные угрозы предусматривают более суровые наказания. По УК Франции 1992 г. (ст. 222-17) уголовно-наказуемыми признаются только угрозы, материализованные текстом, в виде изображения или любым иным способом. Устные угрозы нынешним Кодексом Франции, как и УК 1810 г. (§ 306), прямо не предусмотрены. «Очевидно, – замечает А.В. Лохвицкий, – угрозы в письме должны наказываться строже, т.к. слова могут сорваться с языка нечаянно, необдуманно, а сам угрожаемый может не обратить на них внимания. Угрозы же на письме во всяком случае предполагаются более обдуманными и потому должны более беспокоивать угрожаемого» [5, с. 595].

УК Украины не придает данному признаку принципиального значения. Угрозы письменные, как и другие по форме преступные угрозы, расцениваются законодателем одинаково. Это распространяется и на случаи выражения угроз посредством использования оружия или иных

предметов, кроме угрозы начальнику (ч. 3 ст. 405 УК). Угроза применения оружия отнесена к числу угроз при обстоятельствах, отягчающих наказуемость. Иными видами таких обстоятельств признаются: совершение угрозы (а) членом организованной группы (ч. 2 ст. 129 УК), (б) организованной группой (ч. 4 ст. 345 УК), (в) группой лиц, в условиях военного положения либо в боевой обстановке (ч. 3 ст. 405 УК).

Для содержания угрозы *важно выяснить её направленность*. С учетом места расположения угрозы убийством (разд. II Особенной части УК, ст. 129) следует заключить, что потерпевшим от нее выступает лишь частное лицо. Всякого рода юридические лица, не являющиеся обладателями и носителями определенного социального блага (т.е., жизни в биологическом смысле), не могут признаваться потерпевшими от угрозы. При одинаковой по содержанию и форме угрозе (например, убийством) её направленность прямо влияет на квалификацию содеянного. Так, угрозу убийством, направленную против должностного лица, его близких или гражданина, выполняющего общественный долг, необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 350 УК; угрозу начальнику – по ч. 1 ст. 405 УК; наказуемые угрозы

убийством в отношении работника правоохранительного органа; государственного или общественного деятеля; судьи, народного заседателя, присяжного; защитника или представителя лица, а также их близких родственников подлежит квалификации, соответственно по частям 1 статей 345, 346, 377, 398 УК.

Ввиду того, что конечная цель действий виновного сводится к желанию вызвать беспокойство, страх, ее достижение возможно только при осмыслении потерпевшим выраженных ему угроз. Поэтому угроза считается оконченной *с момента доведения ее до сведения (восприятия) угрожаемого.*

Однако, в юридической литературе была высказана несколько иная точка зрения. Так, по утверждению П.С. Матышевского [6, с. 99] и других, состав данного преступления считается оконченным с момента выражения угрозы, так как угроза общественно опасна уже до того, как о ней узнал потерпевший. Таким образом, момент окончания рассматриваемого преступления переносится на более раннюю стадию в развитии взаимоотношения «виновный – потерпевший». Это мнение противоречит сущности отношений, возникающих при угрозе. По сути самой угрозы как конфликтного взаи-

модействия между по крайней мере двумя субъектами предполагается их смысловое общение, способом и формой которого (или отношения) является обращение друг с другом. Следовательно, обращение выражается в передаче информации от виновного к потерпевшему, а затем в осмысление ее последним.

Угрожающий как раз и выражает вовне свою угрозу не для себя, дабы показать собственную удаль, так сказать, вырасти в собственных глазах, а чтобы вызвать ответную негативную реакцию угрожаемого в виде опасения или иных душевных переживаний. По выражению А.Д. Урсул «Информация – не существует без отражения» [11, с. 214]. В нашем случае в этой роли выступает потерпевший от угрозы. Его восприятие передаваемых сведений и есть тем обязательным звеном конфликтно-коммуникативного общения между виновным и потерпевшим. Без восприятия выраженной угрозы невозможно и осмысление полученной о ней информации как невозможно вызвать у потерпевшего какое-либо беспокойство или страх. Такое понимание психологических особенностей конфликтного общения между субъектами применимо в качестве общего принципа независимо от видов уг-

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

роз, будь-то очных, выраженных непосредственно потерпевшему на месте совершения преступления, либо заочных, переданных ему через третьих лиц.

Кроме того, понятия «выражение угрозы» и «восприятие угрозы» не совпадают между собой во времени. Всякая выраженная угроза не есть еще воспринятой, а любая воспринятая угроза есть уже выраженной. Значит, выражение угрозы опережает по времени ее восприятие потерпевшим и выступает своего рода причиной последнего. Таким образом, момент выражения угрозы является не более чем покушением на данное преступление.

Как покушение на угрозу надлежит квалифицировать случаи уже выраженной угрозы, но по различным причинам (к примеру, незнание языка общения, отсутствие внимания со стороны потерпевшего и т.п.), не воспринятой угрожаемым. В равной степени покушением необходимо оценивать ситуации неадекватного восприятия угрозы (так называемого иллюзорного). Имеются в виду случаи различного понимания передаваемой информации, когда потерпевший осознает выраженную ему угрозу с иным по содержанию противоправным злом, чем того желал виновный (например, угроза убийством воспринята как угро-

за нанесением тяжких телесных повреждений). В этой связи угроза считается оконченной когда она адекватно воспринята угрожаемым как реальная, на что и рассчитывает угрожающий, так как восприятие потерпевшего здесь обусловлено пределами умысла виновного. При отсутствии умысла в действиях лица нет оснований для привлечения его к уголовной ответственности за угрозу.

Следует иметь в виду, что закон не связывает момент окончания угрозы с наступлением каких-либо общественно опасных последствий. Для квалификации угрозы в качестве оконченного преступления не обязательно, чтобы потерпевший был в действительности напуган, обеспокоен. Применительно к части 1 статей 345, 346, 350, 377, 398, 405 УК не является также принципиально важными и факт изменения или прекращения угрожаемым своей деятельности в результате угрозы. Следовательно, угроза по конструкции состава преступления относится к так называемым формальным составам преступления.

С теоретической и практической точек зрения угроза не исключает добровольного отказа от доведения преступления до конца. Наиболее ярко это видно на примере письменных, а также заочных угроз: угрожаю-

щий, пославший угрожающее письмо или телеграмму угрожаемому, затем добровольно по какому-либо мотивам перехватывает свое послание в пути. При угрозе заочной, когда она передана через третьих лиц и еще не доведена до ведома угрожаемого, угрожающий под различным предлогом отговаривает их не сообщать адресату об угрозе.

Таким образом, на основании изложенного можно прийти к следующим выводам:

1) в действующем УК Украины предусмотрены 11 разновидностей угроз в качестве отдельного преступления. Место их размещения по УК обусловлено особенностями родовых объектов;

2) содержание угрозы состоит в запугивании причинить про-

тивоправное зло, которое выражается в обещании лишить жизни, нанести вред здоровью или телесной неприкосновенности, лишить свободы, уничтожить или повредить имущество, совершить похищение, использовать радиоактивные материалы, совершить террористический акт или нападение;

3) форма выражения угрозы на квалификацию не влияет и может быть самой разнообразной. Направленность же угрозы на конкретного потерпевшего определяет ее квалификацию;

4) угроза относится к так называемым формальным составам преступления и момент ее окончания связан с доведением угрозы до сведения угрожаемого;

5) покушение и добровольный отказ при угрозе возможен.

Список литературы: 1. *Белогриц-Котляревский Л.С.* Учебник уголовного права. Общ. и Особ. части. – К.–П.–Х.: Южно-рус. кн. изд-во, 1903. – 618 с. 2. *Волков Г.И.* Угроза // Вестн. сов. юстиции. – 1925. – № 12. – С. 463-465. 3. *Костров Г.К.* Нужен общий состав ответственности за принуждение // Сов. юстиция. – 1976. – №2. – С. 22-23. 4. *Леву (Гайсин) И.М.* Назревший вопрос (угрозы селькору) // Вестн. сов. юстиции. – 1925. – №14. – С. 559. 5. *Лохвицкий А.В.* Курс русского уголовного права // Журн. Мин-ва. юстиции.: Приложение. –СПб.: Тип. Правительств. Сената, 1867 (год 9-й). – №10. – Т.ХХХIV. – С. 551-662. 6. *Матышевский П.С.* Ответственность за преступление против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М.: Юрид. лит., 1964. – 158 с. 7. *Неклюдов Н.А.* Руководство Особенной части русского уголовного права / Издано по лекциям / Изд. К.Л. Харченко. – СПб.: Тип. Шредера, 1887. – 773 с. 8. *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1960. – 229 с. 9. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.) / Под ред. проф. *И.Т. Голякова.* – М.: Гос. юрид. изд-во, 1953. – 463 с. 10. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953-1991 гг.) – Ч.1. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 270 с. 11. *Урсул А.Д.* Природа информации (философский аспект). – М.: Политиздат, 1968. – 285 с.

Надійшла до редакції 13.11.2009 р.